

Людмила Алексеева: «Единственно возможное условие реального партнерства между властью и людьми – это сила гражданского общества»

Людмила Михайловна Алексеева (родилась в 1927 году в Евпатории) – российский общественный деятель, участница правозащитного движения в СССР и постсоветской России, одна из основателей (в 1976 году) Московской Хельсинкской группы (МХГ), с 1996 года председатель МХГ. В 1950 году она окончила исторический факультет МГУ, а в 1956 – аспирантуру Московского экономико-статистического института.

В 1966-м Людмила Алексеева принимала участие в защите писателей Даниэля и Синявского в связи с судом над ними за их публикацию своих произведений за границей. В конце 1960-х годов подписала письмо против политического процесса над Александром Гинзбургом, Юрием Галансковым и др. В апреле 1968 года была исключена из КПСС и уволена с работы, неоднократно подвергалась обыскам и допросам. В мае 1976 года вошла в состав создаваемой Ю.Ф. Орловым правозащитной организации – Московской Хельсинкской группы (МХГ). В феврале 1977 года под угрозой ареста не только ее самой, но сына и мужа, Людмила Алексеева была вынуждена эмигрировать из СССР и поселилась в США. МХГ объявила ее своим зарубежным представителем. В 1984 году в США издала книгу «История инакомыслия в СССР, новейший период»^[1] (более 400 с.) – систематическое описание всех независимых общественных движений в СССР (национальных, религиозных, социально-экономического, социалистического, марксистского и правозащитного) с момента их возникновения до 1984 года, когда книга была окончена. В книге описаны все независимые общественные движения в СССР в течение всего послесталинского периода. В 1977 году вела программы на русском языке

о правах человека на «Радио Свобода» и по «Голосу Америки», опубликовала более 100 статей в русскоязычной эмигрантской периодике, в английской и американской прессе, постоянно консультировала ряд правозащитных организаций, в том числе Американскую Хельсинкскую группу, возникшую в декабре 1978 года (теперь Human Rights Watch).

В 1990 году вернулась в Россию. В мае 1996 года была избрана председателем Московской Хельсинкской группы. С 1998 года трижды избиралась на двухгодичный срок президентом Международной Хельсинкской федерации.

В 2002–2012 годах была членом Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации (впоследствии была преобразована в Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека). В ноябре 2004 года стала одним из организаторов Всероссийского гражданского конгресса и до окончания его работы в 2008 году одним из трех его сопредседателей.

Лауреат нескольких международных премий, обладатель четырех зарубежных орденов. В 2012 и 2013 годах выдвигалась на Нобелевскую премию мира. Лауреат Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области правозащитной деятельности за 2017 год.

В настоящее время — член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, член постоянных комиссий этого Совета по прецедентным делам, по исторической памяти, по развитию НКО, по содействию общественным наблюдательным комиссиям, реформе пенитенциарной системы и профилактике правонарушений.

Ред. Людмила Михайловна, нет смысла спрашивать, как вы пришли к занятию защитой прав человека. Ваша биография известна. Но расскажите, когда и как вы вернулись на родину.

Л.А. В качестве предыстории напомним о своем пути обратно в Россию. Начинается перестройка, я нахожусь в вынужденной эмиграции. Со мной — заболевший к этому времени муж (болезнь Альцгеймера). Поэтому речь могла идти только о совместном возвращении. В Москве оставалась свекровь — близкий родственник, вот официальный мотив для возвращения. Между США и СССР появляется «народная дипломатия» — поощряемое в обоих государствах интенсивное общение между гражданами.

В США приезжает огромная делегация — 400 советских граждан, в их числе известные писатели, журналисты. Когда формируется группа для ответного визита, происходит странное: дают 399 виз вместо 400. Только мне не дают. И в Госдепе, и в Американской Хельсинкской группе (АХГ) понимают: несмотря на перестройку, я в каком-то самом черном списке. В 1988 году меня включили в список на поездку баптистов в СССР как переводчицу. Опять только мне отказали в визе. Лишь в мае 1990 года, после больших усилий Госдепартамента США, поездки в Москву председателя АХГ Ричарда Бернштейна и его встречи с тогдашним министром иностранных дел Э. Шеварднадзе, который очень добивался проведения конференции АХГ в Москве в рамках «народной дипломатии», благодаря вмешательству Шеварднадзе я была вычеркнута из черного списка КГБ, в котором, несмотря на перестройку, оставалась за свою правозащитную деятельность в качестве зарубежного представителя МХГ.

В мае 1990 года, после 13 лет отсутствия, я наконец смогла приехать в Москву на конференцию АХГ. Но после этого препятствий уже не было. И я поехала в СССР в ноябре 1990 года уже в продолжительную командировку. География поездки была широкой: Москва — Свердловск — Челябинск — Караганда — Душанбе — Чимкент. После этого я почти постоянно была здесь, но переехать окончательно домой и забрать сюда мужа я смогла только в 1993 году, потому что вышел Указ Б.Н. Ельцина, по которому советским людям, лишенным гражданства лишь за отъезд из страны,

возвращалось гражданство. Тогда уже я окончательно вернулась и на деньги, заработанные в США, купила квартиру в Москве.

Ред. Сначала главным направлением ваших забот была социальная сфера?

Л.А. Да. Я активно сотрудничала с С.А. Ковалёвым, который тогда был председателем парламентского Комитета по правам человека, с «Мемориалом» и разными правозащитными организациями. Еще в США я консультировала американский профсоюз АФТ–КПП (Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов). В Советском Союзе в то время родились и какое-то время работали в постсоветской России независимые профсоюзы – горняков, авиадиспетчеров и др. С некоторыми из работавших в них людей я дружу до сих пор, они останавливаются у меня, приезжая в Москву, с Новым годом поздравляют.

Меня тогда вдохновлял польский пример – союз рабочих с интеллигенцией. Я видела, как вся страна благодаря этому всколыхнулась. Надеюсь, что и у нас так же будет – ведь поляки долго были в нашем «социалистическом лагере» (поневоле, конечно, ведь хорошую вещь лагерем не назовешь).

С крахом советской системы, пока новая не наладилась, большинство моих сограждан грохнулось в нищету. Людей гораздо больше волновало, как прокормить семью, чем демократические реформы. Они не имели опыта жизни при демократии и не могли оценить ее возможностей для улучшения своего материального положения. Интеллигенция наша на мои призывы реагировала вяло.

Ред. А правозащитной работой занимались?

Л.А. Конечно. Я сосредоточилась на провинции. Во многих местах учителя, врачи, инженеры, журналисты («бюджетная интеллигенция») стали образовывать правозащитные группы. Они не очень хорошо знали, что это такое. Например, какой-нибудь инженер изучит как следует законы и идет в суд добиваться, скажем, признания незаконным решения о его увольнении. Довольно часто истцы такие процессы выигрывали. В это время грянул кризис, работы не было. Я с болью смотрела, как погибают один за другим независимые профсоюзы.

Президент Борис Ельцин создал при себе Комиссию по правам человека и пригласил Сергея Ковалёва ее возглавить. Но началась чеченская война, и в знак протеста против творившихся там массовых и грубейших нарушений прав человека Ковалёв отказался от поста председателя Комиссии. Когда прекратил существование Верховный Совет, Ковалёв утратил должность председателя Комитета ВС РФ по правам человека и остался не у дел. Уйдя с этого поста, он учредил общественную организацию – Институт прав человека. Я предложила ему создать отдел, который занимался бы в его Институте поддержкой правозащитных групп в провинции, но Сергей Адамович решил ограничиться только экспертной работой.

Кронид Любарский, который был тогда председателем МХГ, увлекся политической журналистикой и умолял кого-то из членов МХГ, которая буксовала из-за отсутствия активного руководителя, сменить его на посту председателя. А мне нужна была организация для поддержки правозащитников в регионах – одному человеку эта задача не по плечу. И я согласилась сменить Любарского.

Первое, что надо было сделать, это собрать для обсуждения необходимой им помощи всех известных нам руководителей правозащитных организаций из регионов. Таких было тогда 35 человек. Тут как раз подходило 20-летие МХГ (12 мая 1996 года). Мы стали готовить на эту дату юбилейную конференцию, чтобы напомнить новым правозащитникам историю и смысл правозащитного движения, начиная с советского времени, познакомиться с ними и вместе подумать, как мы можем им помочь. На эту конференцию неожиданно для всех пришел советник президента Ельцина Михаил Александрович Краснов. Я даже не подозревала, что он знает о МХГ, а он не только знал, но и рассказал Борису Ельцину о нашей группе и пришел на юбилейную конференцию, чтобы зачитать приветствие президента. Сидел все три дня работы конференции,

слушал выступления. Правозащитники из регионов говорили, что им больше всего нужно, чтобы мы помогли объяснить в регионах властям, кто такие правозащитники.

Михаил Александрович поинтересовался: чем глава государства мог бы помочь правозащитникам? Общее мнение было таким: хорошо бы президенту порекомендовать губернаторам создать при себе комиссии по правам человека по образцу президентской комиссии, чтобы ее члены разъяснили чиновникам, кто такие правозащитники. Действительно, на местах происходили вопиющие вещи. Например, старушке не выплачивают положенную пенсию, на прием к чиновнику приходит правозащитник с ее делом, а тот ему говорит: «Какая еще правозащитная группа? Вы – постороннее лицо, уходите, не лезьте не в свое дело, пусть она или ее родственники придут».

Краснов все это выслушал и через некоторое время пришел ко мне с проектом текста президентского указа. Это был Указ от 16 июня 1996 года № 864 «О некоторых мерах государственной поддержки правозащитного движения в Российской Федерации», в соответствии с которым губернаторам рекомендовалось создавать при себе комиссии по правам человека по образцу президентской. МХГ тоже дала свои рекомендации, в основном о том, чтобы в эти комиссии включали активных местных правозащитников. Мы были готовы давать рекомендации, кого именно, если они не знают, кто в их регионе таковыми являются. В итоге получилось так: в восьми регионах включили по одному–двум правозащитникам, в двенадцати в них вошли только чиновники, для многих из которых общественники были врагами, а в большинстве регионов таких комиссий вообще не было.

Когда в Хельсинкской группе голосовали, поддерживать ли нам эти комиссии, самые авторитетные члены МХГ – Сергей Ковалёв и Лариса Богораз – выступили против. Они опасались, что правозащитники в этих комиссиях станут подчиняться чиновникам или даже будут подкуплены. Я же считала, что становление таких комиссий будет происходить постепенно, и потом уже агитировала в регионах за их создание. Я сказала, что, если МХГ изменит свою позицию, я должна буду оставить председательский пост. После этого Ковалёв и Богораз воздержались при голосовании, большинство поддержало меня. Комиссии эти не сразу, но постепенно были созданы в большинстве регионов и во многих стали реально работать. Элла Александровна Памфилова, когда возглавила президентскую комиссию по правам человека, в своей работе использовала эти местные комиссии вполне успешно.

Документ

У К А З

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О некоторых мерах государственной поддержки
правозащитного движения в Российской Федерации

В целях содействия становлению и полноценному функционированию гражданского общества, налаживания конструктивного взаимодействия между общественными и государственными институтами, обеспечения более эффективного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина п о с т а н о в л я ю:

1. Одобрить решение Координационного совещания правозащитных

организаций, проведенного в связи с 20-летием Московской Хельсинкской группы, о создании силами правозащитных организаций:

межрегионального правозащитного центра, призванного оказывать помощь правозащитным организациям в субъектах Российской Федерации;

учебного центра по правам человека;

издательского центра правозащитной литературы.

Администрации Президента Российской Федерации и Правительству Российской Федерации оказать содействие правозащитным организациям в реализации этого решения.

2. Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации и Главному управлению Президента Российской Федерации по вопросам конституционных гарантий прав граждан:

установить взаимодействие с Московской Хельсинкской группой и иными координационными органами правозащитных организаций;

рассмотреть в 2-недельный срок вопрос о создании Экспертного совета Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, предусмотрев включение в его состав видных российских деятелей правозащитного движения.

3. Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации:

образовать в соответствующих субъектах Российской Федерации комиссии по правам человека с функциями, аналогичными функциям Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации;

предоставлять (сдавать в аренду) правозащитным организациям помещения (здания) на льготных условиях;

оказывать правозащитным организациям помощь в их деятельности.

4. Полномочным представителям Президента Российской Федерации в субъектах Российской Федерации:

наладить взаимодействие с правозащитными организациями;

информировать Президента Российской Федерации о выполнении рекомендаций, перечисленных в пункте 3 настоящего Указа.

5. Настоящий Указ вступает в силу со дня его опубликования.

Президент Российской Федерации

Б. Ельцин

Москва, Кремль

Ред. Эта Комиссия была переименована в Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Как вы это изменение статуса восприняли?

Л.А. Да никак. Хоть горшком назови, лишь бы дело делалось. Но Элла Александровна мне потом разъяснила, что это повышает статус, расширяет наши возможности. А с ней я была знакома давно. Мы взаимодействовали в рабочих группах по подготовке Гражданского форума, который президент Путин собирал в 2002 году. Состав этих рабочих групп был такой: треть — от президента, треть — от правозащитников, еще треть — от формально общественных, но «прикормленных» организаций. Элла Александровна входила во «властную квоту», а голосовала всегда вместе с нами. Поэтому ее предложению войти в состав возглавляемой ею Комиссии (потом — Совета) я не удивилась. Такие предложения всегда делают индивидуально и конфиденциально. И все восемь активистов, которым Элла Александровна сделала такое предложение, согласились с ней работать, но между собой договорились: если дело пойдет против наших принципов, то мы выйдем оттуда все вместе. В 2004 году у меня такое желание появилось, но большинство было против, и я осталась, поскольку договорились выходить не по одному, а все вместе.

Ред. Чем вы в первую очередь занимались в Совете?

Л.А. Я сконцентрировалась на подготовке проекта Закона об альтернативной гражданской службе. Члены Комиссии работали над этим проектом вместе с рабочими группами от Минтруда и Минобороны. Сотрудники Министерства труда вместе с нами противостояли жесткому варианту законопроекта, предлагаемому Министерством обороны. В соответствии с нашим вариантом Закона молодые люди могли проходить альтернативную службу, живя в семье, получать зарплату за свою работу. Владислав Сурков показал наш вариант президенту, и тот вроде бы согласился с ним, но в последний момент, насколько я понимаю, нам перебежал дорогу Сергей Иванов, возглавлявший Министерство обороны. В итоге был принят вариант Министерства обороны.

Ред. А что вам было известно об отношениях президента с Советом?

Л.А. Элла Александровна сообщила, что президент проведет встречу с правозащитниками, для того чтобы познакомиться с ними и наладить сотрудничество (или получше узнать, чтобы понять, как их прижать, — не знаю). Стали распределять темы, устанавливать время на выступление, очередность. Десять минут дали Светлане Ганнушкиной — тема мигрантов тогда стояла в полный рост. Остальным выделили по три минуты. Мне поручили доложить о ситуации в Чечне.

Выбор был неслучайным. Считалось, что президент может отреагировать на эту тему очень раздраженно, а у меня, похоже, есть дар говорить с начальством о малоприятных вещах, не доводя его, начальство, при этом до белого каления. Суть вопроса была в том, что беженцы из Чечни, жившие в лагерях в Ингушетии, не хотели возвращаться домой. Ведь еще война шла. Кадыров же на этом настаивал: это было доказательством того, что с войной покончено. Когда они возвращались, их поселяли в пунктах временного размещения (жилье у многих было разрушено). Большинство не хотело ехать туда, потому что в лагерях они как-то наладили жизнь, а на новом месте было очень трудно, особенно с детьми. Тогда их стали выживать из лагерей — отключали свет, отопление. А Кадыров утверждал, что переселяют только добровольно.

Президент подтвердил: переселение должно быть исключительно добровольным. Я предложила создать смешанную комиссию из представителей власти и правозащитников, которая посетила бы лагерь, пункты временного размещения и выслушала людей. В комиссию вошел министр Российской Федерации по делам Чечни Станислав Ильясов. Мы приехали в Грозный зимой. Нам устроили банкет в советско-кавказском духе. Темнеет рано, в темноте по Грозному перемещаться

нельзя. Мы с этого банкета, к неудовольствию собравшихся, ушли, поехали к переселенцам, а через полчаса услышали неподалеку взрыв. Ильясов туда помчался. Это был взрыв в здании правительства, которое мы только что покинули. На месте, где шел банкет, были развалины. Ильясов потом в Москве сказал мне, что, отмечая свое 50-летие, первый тост предложил за меня: если бы я их не торопила, они бы еще пировали, когда прогремел взрыв.

Из-за сопротивления чиновников из совместного доклада пункт о недобровольности переселения пришлось убрать, но было указано, что в самих пунктах размещения условия жизни плохие. Однако до конца войны они действовали, и те, кому некуда было переехать, в них оставались.

Документ

«30 июля 2010 года в связи с проведением протестной акции – голодовки учителей и родителей нескольких школ в г. Ульяновске, вызванной решением о ликвидации пяти городских школ, – председатель Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Э.А. Памфилова направила губернатору Ульяновской области обращение с просьбой рассмотреть сложившуюся ситуацию и найти взаимоприемлемое решение для выхода из нее.

В Ульяновскую область направили представителя аппарата Совета. На месте были проведены встречи, с участниками акции, с представителями правительства Ульяновской области и уполномоченным по правам человека области.

В результате были изданы постановление мэрии г. Ульяновска о признании решения о закрытии школ утратившим силу, а также приказ управления образования об отмене приказа об увольнении директора школы № 7. После этого участники голодовки решили прекратить ее. Прокуратура Ульяновской области обязала главу Ульяновска немедленно устранить выявленные нарушения и исключить возможность таких эксцессов впредь».

Из Отчета о работе Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека в 2009–2010 годах.

Ред. В какой степени вам удалось использовать преимущества положения члена Совета, о котором говорила Элла Александровна?

Л.А. И она, и Михаил Александрович Федотов считают Совет рычагом развития гражданского общества, а единственное условие успешного партнерства между властью и гражданами – это сила гражданского общества. Я убедилась в этом, продолжая работу в регионах как председатель Московской Хельсинской группы. Наша работа построена по сетевому принципу – сотрудничество равноправных партнеров. Вот отправилась я в Екатеринбург. Меня приняли областной уполномоченный по правам человека Татьяна Мерзлякова и губернатор Эдуард Россель. Стали бы они со мной встречаться только как с председателем Хельсинкской группы?! Другое дело – член президентского Совета, а сейчас еще глава Совета – советник президента! Я стараюсь поддерживать организации – партнеров МХГ в их отношениях с губернаторами и другими представителями власти. Этому способствовала, конечно, Элла Александровна, она трудилась, как подвижник, дела при ней очень продвинулись, авторитет Совета сильно вырос.

Ред. И все же вы ушли...

Л.А. Дело было так. Когда стало ясно, что к власти вернется Владимир Путин, 13 членов Совета – яркие, самостоятельные люди – вышли из его состава. Я осталась, считая, что политик может хлопать дверью и переходить в оппозицию, а правозащитники должны помогать гражданам

в любых условиях, и, чем условия труднее, тем нужнее их работа. Я вошла в рабочую группу по формированию нового состава Совета, надо ведь было заполнить образовавшиеся бреши после ухода 13 человек. Я была категорически против предложенного властями голосования за новых членов Совета по Интернету. Тут могли быть и подставы, и появление людей своекорыстных, ведь Совет при Президенте РФ – звучит престижно. В общем, вместе с М.Ф. Поляковой я активно этим занималась, мы искали достойные замены. Но когда мы предлагали кандидатуры, люди из Администрации Президента отвергали некоторых из них, а Михаил Александрович Федотов устранился от вмешательства в наши препирательства.

Дошло до спора между мной и одним сотрудником Администрации (фамилию его, ей-богу, не помню). Речь шла о Валерии Якове, главном редакторе «Новых известий». Мне очень нравится этот талантливый и честный журналист. Но в то время губернатор Московской области Сергей Шойгу пригласил Якова возглавить областное министерство информации. Я высказалась против его кандидатуры: госчиновники в гражданском Совете не должны работать. Тот сотрудник Администрации в ответ: вы что же, принципиально против госчиновников? Это же дискриминация! В результате кандидатуру Якова оставили, а я подала заявление об уходе. Меня просили остаться, но я решение не изменила, потому что не хотела состоять в Совете, где хозяйничают чиновники. Сейчас в Совете, как и прежде, все решает его большинство. Но я смею предположить, что, возможно, этому способствовал мой поступок.

Документ

«9-10 февраля 2010 года в рамках Рабочей группы «Гражданское общество» Форума «Петербургский диалог» Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека в сотрудничестве с Центром социального развития и самопомощи «Перспектива» (Москва) и общественно-полезным объединением «Russlandhilfe e.V.» (Франкфурт-на-Майне) провели семинар «Реакции гражданского общества на социальные проблемы в обществе». В мероприятии приняли участие представители ведущих неправительственных организаций России и Германии, работающих в социальной сфере. Участники семинара отметили важность обмена опытом и совместного поиска решения социальных проблем в условиях мирового экономического кризиса».

Из Отчета о работе Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека в 2009-2010 годах

Ред. И как вы общались с Советом в тот период, когда оказались вне его?

Л.А. Сотрудничала, там же много близких мне людей.

Ред. Людмила Михайловна, покинув Совет по принципиальным соображениям в 2012 году, вы вернулись в него в 2015-м. Расскажите, пожалуйста, как это произошло.

Л.А. Я вернулась, потому что все меньше площадок, где можно хоть что-то сделать. Совет – одна из немногих оставшихся. Михаил Александрович Федотов много раз предлагал меня вернуться. Я отказывалась. А потом задала ему вопрос: «Как вы это сделаете? Ведь это президентский Совет, его состав утверждается Указом главы государства, где все перечислены по фамилиям». В свое время в состав Совета были включены все, кого мы с Э.М. Поляковой предлагали, все 35 человек. Президент включил туда еще 30 человек. Несколько новых членов активно включились в работу, но есть балласт, совсем ненужные люди. Есть те, кто не мешает – не более того. А тут нужен будет персональный Указ. Это невозможно. Михаил Александрович ответил, что это его дело. И действительно, появился отдельный Указ. Видимо, наверху хотели, чтобы я вернулась.

Предупреждая вопрос о моей репутации, скажу, что не в первый раз меня кто-то яростно осуждает за якобы сотрудничество с властью. Но ведь что-то делать совместно можно только по взаимному согласию. У них какой-то свой «навар» должен быть, без этого зачем им сотрудничать со мной? А у меня будет свой «навар». Если он мне нужен, пусть и они имеют то, что им нужно.

Ред. Под «наваром» для властей вы подразумеваете ваше имя в президентских структурах?

Л.А. Ну да. Ведь на самом деле соблюдение Конституции, прав человека в конечном счете — в интересах самой власти, это придает ей авторитет, повышает доверие к ней. А что до меня: я им нужна — спасибо, но я за это должна получить то, что мне нужно.

Позиция

«Я считаю, ненормальным положение, когда российские общественные организации финансируются в основном из-за рубежа. Во всем цивилизованном мире общественные организации финансируются частными фондами, пожертвованиями граждан своей страны и лишь в очень незначительной мере из государственных и зарубежных средств. И у нас в России тоже должно быть так. Сейчас у нас значительная часть граждан уже поняла, для чего нужны НКО, и мы нашли бы поддержку граждан. Конечно, это произойдет не сразу. Сейчас, когда наша экономика, как и во всем мире, переживает не лучшие времена, это сделать труднее, но все-таки возможно. Но состоятельные люди должны быть уверены, что это не навлечет на них недовольство власти, а наоборот, что власть этого от них ждет. Для этого нужно, чтобы Вы, господин президент, сказали об этом публично. И тогда постепенно наши НКО начнет финансировать наше общество, а государственная поддержка и поддержка из-за рубежа останется лишь малой частью тех средств, которые необходимы для нормального функционирования наших НКО».

Из стенограммы выступления на встрече Совета с президентом РФ В.В. Путиным, 1 октября 2015 года

Ред. Можно не сомневаться: вас радостно встретили в Совете.

Л.А. Да, это было очень приятно. Все встали и аплодировали. Родовались все, кого я люблю и уважаю. Тут ведь еще нюанс был: после того, как я написала заявление об уходе, и до его утверждения мне звонили домой члены Совета, просили остаться, но я, хоть и трудно было это сделать, отказалась тогда.

Ред. Вы вернулись на те же участки работы?

Л.А. Да, все без изменений. Другое дело, что за это время Михаил Александрович внедрил форму выездных заседаний Совета. На мой взгляд, это очень правильно и эффективно, но мне уже не по силам. Я участвую в работе по проблемам НКО и «иностранных агентов». Меня это очень волнует. Я занимаюсь поддержкой общественных наблюдательных комиссий в тюрьмах. Ко мне ведь уже в течение многих лет привыкли обращаться за поддержкой заключенные и их родственники. Много

просьб по условно-досрочным освобождениям. Я очень хочу, чтобы эти комиссии сохранились, хоть для этого создано много помех.

Меня включили в президиум Совета. Там раз в два-три месяца решают, какие вопросы выносить на заседание Совета. Периодически по отдельным направлениям нашей работы происходили встречи с Вячеславом Володиным (первым заместителем руководителя Администрации Президента, ответственным за внутреннюю политику), теперь встречаемся со сменившим его Сергеем Кириенко). Какие-то вопросы он сам ставит, какие-то можно решить здесь до встречи с президентом.

Ред. Что бы вы могли отметить в качестве достижений после возвращения в Совет?

Л.А. Несомненный успех – результат работы инициативной группы по установке в Москве памятника жертвам политических репрессий. Мы предложили место, и проект прошел такой, как мы хотели, – скульптора Георгия Франгуляна.

Ред. А финансовая проблема установки памятника?

Л.А. Сначала государство брало расходы на себя полностью, потом пошла речь о народных сборах. Основную часть расходов взяло на себя правительство Москвы, а народные деньги продолжают собирать на другие мемориальные проекты, например, на спецобъекте НКВД «Коммунарка».

Ред. О чем-то еще вам хотелось бы отдельно сказать?

Л.А. Да, об истории с законодательством о Федеральной службе исполнения наказаний – сокращенно ФСИН^[2]. Там имело место настоящее жульничество. Закон был написан представителями этой системы. В Совете мы разработали много принципиальных поправок. Однако потом выяснилось, что до Госдумы наши поправки не дошли, депутаты их в глаза не видели, к ним поступил проект ФСИН без наших поправок. Мы возмутились, подняли скандал. Теперь, перед вторым чтением, парламентарии нового созыва уже этим займутся.

Документ

«Президентский Совет по правам человека (СПЧ), по информации "НГ", подготовил предложения к концепции развития до 2020 года уголовно-исполнительной системы страны. Правозащитники утверждают, что реформы в Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН) пробуксовывают.

В поправках СПЧ есть требование ввести дополнительное поощрение осужденных за "тягу к исправлению" уменьшать срок наложенных на них взысканий можно было бы за прочтение рекомендованных книг, прохождение реабилитационных курсов, за "прочие активные действия, направленные на достижение целей наказания".

В Совете настаивают на улучшении бытовых условий эков – например, чтобы каждому выделялось "по 15 минут для помывки", а не всей камере одновременно те же 15 минут, как сейчас. Советуют там и дать сидельцам право на пользование электронными устройствами (без выхода в Интернет).

О труде осужденных в поправках СПЧ говорится, что оплата тех, кто не выполняет нормы выработки, не может быть ниже той доли МРОТ, которая пропорциональна процентам выполненной работы. То есть чтобы людей не наказывали за невыполнение нормы в соответствии с традициями ГУЛАГа».

«Независимая газета», 26 июля 2016 года

Ред. То есть в первом чтении ваши поправки учли?

Л.А. Учли, хотя все равно Закон остается варварским. Еще меня очень тревожит ситуация с церковными делами. Московский патриархат старается сделать православие государственной религией. Но все конфессии должны иметь равные права. А все остальные вероисповедания прижимают, в том числе и христианские, их объявляют сектами. В СПЧ намечено обсуждение этого вопроса. Что любопытно, тут меня активно поддержал Максим Шевченко, с которым мы расходимся во мнениях по многим вопросам. Он обычно акцентирует внимание на трудностях мусульман, а тут речь идет обо всех вероисповеданиях.

Ред. Людмила Михайловна, вернувшись в СПЧ на радость коллегам, вы ощутили дополнительно полезность Совета, актуальность его деятельности?

Л.А. Совет этот очень нужен. И президент, и его Администрация считаются с ним, поэтому я и вернулась. И еще одно. За последнее время я почувствовала, насколько вырос наш председатель, Михаил Федотов. Раньше, при всем уважении к его профессионализму, у меня не было ощущения, что он всегда может отстаивать позиции членов Совета перед властью. Теперь я вижу, что он это делает последовательно и твердо.

[1] Первое издание на русском языке: *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР: Новейший период. – Вильнюс; М.: Весть, 1992.

[2] Имеется в виду Федеральный закон от 28 декабря 2016 г. № 503-ФЗ "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы" и Федеральный закон "О содержании под стражей подозреваемых и"

обвиняемых в совершении преступлений". Этим законом введены новые правила, касающиеся применения физической силы и спецсредств сотрудниками учреждений УИС.